

Неудивительно, что Цзян Ли сейчас так встревожен. С тех пор как полмесяца назад Император узнал от Цинсюя о том, что его непутевый сын обрел ясность ума, он дал Цзян Ли лишь одну ночь на раздумья.

На следующее утро Император вызвал Цзян Ли в кабинет, и отец с сыном просидели, уставившись друг на друга, целое утро. Столкнувшись с этим фальшивым папашей, чья кожа была толще городской стены, Цзян Ли понял, что его собственных способностей явно не хватает.

В конце концов, под пристальным и угрожающим взглядом Императора, Цзян Ли пришлось подойти ближе и, ухватившись за край его одежды, взмолился о пощаде: Отец, А-Ли был неправ, помилуй меня!

Когда его сын только родился, он был таким крошечным и худеньким, что Император даже боялся брать его на руки, опасаясь, что, не рассчитав силы, ненароком раздавит это маленькое существо.

Позже сын начал расти, и когда пришло время, в которое обычные дети начинают говорить, Император и Императрица наконец заметили неладное.

Их А-Ли с самого детства был невероятно послушным: хотел ли он пить или есть, он никогда не поднимал крика. Но когда ему исполнилось два или три года, он все еще не произносил ни слова, не плакал и не шумел, и это начало вызывать тревогу.

Вся Императорская больница приходила его осматривать, и после долгих обсуждений врачи пришли к единственному выводу: наследный принц — слабоумный.

Император пришел в ярость, решив, что эти бездарные лекари проклинаят его сына. В гневе он приказал бросить всех врачей в Тюрьму Цзяоюй, и лишь благодаря заступничеству Императрицы их удалось оттуда вызволить.

Их А-Ли рос, но из-за врожденного недуга, с которым он пришел в этот мир, ему приходилось принимать лекарства изо дня в день на протяжении долгих лет. Когда Цзян Ли исполнилось восемь лет, Император больше не мог продолжать обманывать самого себя: ребенок, рожденный от Цинцю, действительно был слабоумным.

С того дня в Императорскую больницу один за другим стали приходить новые лекари, а рецепты лекарств для Цзян Ли менялись снова и снова.

Чиновники двора настойчиво требовали, чтобы Император расширил свой гарем и обзавелся наследниками для процветания Великого Ци. Император был так раздражен этими нападками, что в порыве гнева готов был начать кровавую расправу, но в конечном итоге его младший брат привел во дворец Сюань Цзицзы.

Когда Сюань Цзицзы впервые увидел Цзян Ли, он лишь поднял руку и погладил мальчика по голове, а затем тяжело вздохнул и тихо произнес: Хороший ребенок.

Цзян Ли послушно позволил Сюань Цзицзы погладить себя, не уворачиваясь и не убегая. Это было крайне редкое зрелище: хотя Цзян Ли и был слабоумным, он никому не позволял к себе прикасаться, кроме своих родителей и личных евнухов. С тех пор во дворец перекочевал Даосский храм Цинъян, а Сюань Цзицзы получил титул Государственного наставника.

В тот момент, когда сын ухватил его за рукав и признал свою вину, Император, казалось, передумал о тысячах вещей — или же не думал ни о чём вовсе. Наконец, как бывало прежде, его крупная ладонь опустилась на макушку Цзян Ли, безжалостно растрепав аккуратно уложенную причёску до жалкого, плачевного вида.

И без того чувствующий свою вину Цзян Ли покорно сносил все издевательства Императора над своими волосами, а затем принялся помогать ему разминать плечи и растирать тушь, завертевшись так, что земля горела под ногами.

В конце концов он послушно последовал за своим фальшивым батюшкой во Дворец Чансинь, чтобы разделить трапезу с Императрицей. Услышав это матушка, Императрица мгновенно залилась слезами и, заключив Цзян Ли в объятия, разрыдалась так, словно сердце её разрывалось на части.

С того самого момента Цзян Ли погрузился в пучину бесконечных бед. Как только наследный принц поправился, об этом, разумеется, следовало объявить во всеуслышание, чтобы успокоить народ.

Чтобы не дать тайным агентам Цянди, внедрённым в Великое Ци, узнать об этом, Цзян Ли пришлось потратить нечеловеческие усилия, лишь бы удержать Императора от обнародования указа об амнистии по всей стране.

Однако Император был чересчур воодушевлён. Стоило ему разволноваться, как он терял контроль над своим отцовским желанием похвастаться перед всем миром. И хотя под напором Цзян Ли он не стал объявлять всеобщую амнистию, он принялся силком таскать Цзян Ли на приёмы к одному доверенному сановнику за другим.

Все эти министры были верными соратниками, которые выросли вместе с Императором и прошли с ним через огонь и воду южных и северных походов. Их связывали не только отношения государя и подданных, но и глубокая фронтовая дружба.

Император ликовал, но те министры, что каждый день молились в своих домах о выздоровлении наследного принца, были рады ещё больше. Так и сложился мир, в котором страдал только Цзян Ли.

Не прошло и полмесяца, как Цзян Ли почувствовал, что у него уже мозоли на ушах от их

бесконечной болтовни. На официальных приёмах все эти люди были блестящими стратегами и мудрыми чиновниками, знающими толк в этикете, но стоило им переступить порог императорского кабинета, как они превращались в назойливых дядюшек.

Мяу-мяу. Вспомнив об этих мучительных днях, маленький котёнок поспешно потёр своей розовой лапкой пушистую голову. Если он останется в Шэнцзине, то даже если его не убьёт главный герой из оригинального сюжета, он точно умрёт от бесконечного бубнежа этих дядюшек.

Что ж, пускай это бремя сладкой любви достанется настоящему наследному принцу, подумал Цзян Ли, похлопав себя по кошачьей голове, и решил, что пора временно сбежать.

Услышав мяуканье из покоев, Му Шэн, дежуривший снаружи, на цыпочках подошёл к двери и бережно вынес маленького котёнка, спрятанного под одеждой.

— Ваше высочество, — Му Шэн мягко почесал котёнка под подбородком.

Надо признать, что тот, кто гладит кота, счастлив, но и коту, которого гладят, не менее приятно. Из горла котёнка вырвалось довольное мурлыканье, и Цзян Ли в полузабытье пролежал в руках Му Шэна, прежде чем прийти в себя.

Розовая кошачья лапка шлёпнула по руке Му Шэна, которая всё ещё чесала его подбородок: Мяу-мяу-мяу! Временно лишаю тебя права тискать меня, нам нужно поскорее уносить ноги.

— Я уже всё подготовил, ваше высочество, не извольте беспокоиться, — Му Шэн, прижимая котёнка к груди, дошёл до бокового павильона, где невесть откуда достал изящную маленькую клетку.

Оказавшись на полу, Цзян Ли не колеблясь поднял лапку, открыл дверцу и послушно улёгся на мягкую подстилку внутри клетки.

Му Шэн, очарованный видом маленького котёнка, изо всех сил подавил в себе желание схватить его и начать тискать. Он достал из рукава сушёную рыбку и кусочки мяса, которые прихватил из императорской кухни, и положил их в клетку.

Цзян Ли подтянул лапкой свёрток с угощением к себе и, моргнув своими влажными глазами разного цвета, безмолвно поторопил Му Шэна. Му Шэн не знал, смеяться ему или плакать, но в конце концов поднял маленькую клетку и направился к выходу из дворца. Шуанси в этот момент как раз возвращалась обратно и, увидев их, не удержалась от вопроса:

— Ой, это маленький господин Сюэну? Давно Сюэну не заглядывал в Восточный Дворец.

Цзян Ли в этот момент был занят тем, что жевал ароматные и хрустящие сушеные рыбки, но всё же нашел время, чтобы издать «мяу» в сторону Шуанси.

Увидев это, Му Шэн тихо усмехнулся:

— Наставник сказал, что в даосском храме Цинъян возникли дела, требующие моего личного присутствия вне дворца. Заодно верну Сюэну домой, пусть повидается со своими братьями и сестрами.

Тут же Му Шэн, словно внезапно что-то вспомнив, сказал Шуанси:

— На сегодня задачи высочества еще не закончены. Передай слугам, чтобы не входили и не беспокоили его. К тому же дела за пределами дворца могут занять некоторое время, я оставил на книжной полке высочества два письма. Когда придет время вечерней трапезы, не забудь напомнить ему прочесть их.

Шуанси не заподозрила ничего странного. С тех пор как высочество пришел в себя, вот уже больше полумесяца он постоянно просиживал в кабинете за книгами. Если только Император или государыня не вызывали его, он до самой вечерней трапезы ни ногой не покидал кабинет.

В Великом Ци было принято трапезничать дважды в день: утром и вечером. За эти полмесяца Цзян Ли умудрился успешно притвориться крайне прилежным учеником, хотя на деле, сидя в кабинете, он либо играл с Му Шэном в го, либо валялся на кушетке, отсыпаясь.

По пути к дворцовым воротам их ждал плановый досмотр. Му Шэн обычно жил в дворцовом даосском храме Цинъян и был облачен в темно-синие одежды даоса, поэтому стражники сразу поняли, кто он такой. Тем не менее, им всё равно требовалось проверить жетон и записать причину выхода из дворца.

Му Шэн достал жетон, полученный от учителя:

— Я Му Шэн, старший ученик даоса Цинсюя. По приказу наставника возвращаюсь в храм Цинъян по делам.

Личность даоса Цинсюя не была секретом в пределах императорского дворца, к тому же сам жетон действительно принадлежал князю. Тогда стражник взглянул на клетку, которую нес Му Шэн, и допросил:

— Что это за зверь?

— Это питомец наставника, его привезли из храма Цинъян. Наставник давно не покидал дворца, вот и поручил мне отвезти кота обратно в храм, чтобы он повидался с остальными из своего выводка.

Ничего серьезного в этом не было, поэтому стражники осмотрели клетку со всех сторон и, убедившись, что в ней нет ничего подозрительного, пропустили Му Шэна.

Свернувшийся клубочком в клетке Цзян Ли оглянулся на постепенно удаляющиеся дворцовые ворота. Он чувствовал и волнение, и легкую тоску. Выросший сиротой, он, конечно, мечтал о

доме, о любящих родителях. А Император и Императрица дарили ему родительскую любовь целых полмесяца.

Увы, ложь никогда не станет правдой. Оригинал и без того был фальшивым наследником, а он сам — вор, укравший чужую жизнь. Он не мог помочь императорской чете многим, но обещал помочь найти настоящего принца, чтобы тот вернулся на свое место как можно скорее.

Эх, жизнь нелегка, вздохнул котик.

Покинув дворец, Му Шэн с Цзян Ли заглядывали во множество лавок в столице, пока не убедились, что оторвались от преследующих их «хвостов», после чего петляя зашли в одну из лавок готовой одежды.

Переодевшись в простую льняную одежду, они сменили клетку на плетеную бамбуковую корзину. Му Шэн выглядел опрятно и утонченно, так что даже в грубом льняном одеянии он походил на настоящего книжника.

Выйдя из лавки, Му Шэн в конце концов остановился перед чайной лавкой и, заказав горшочек горячего чая, взял маленького котенка из корзины на руки:

— Сюэну, не бойся, те хвостики остались позади.

Цзян Ли выдохнул с облегчением. Он всегда знал, что за оригиналом кто-то присматривает, и боялся, что если он решит сбежать из столицы, за ним сразу же увяжутся следопыты, поэтому они заранее обдумали план, как сбросить их с хвоста.

Му Шэн отпил горячего чая, после чего достал из рукава карту:

— Давай же, раз мы не знаем, куда направиться, тыкни пальцем в любое место. Спешить некуда, будем идти неспешно, наслаждаясь едой и видами.

Цзян Ли тоже заинтересовался. Он сложил два розовых маленьких когтя вместе, потер их друг о друга, облизал у рта, а затем, затаив дыхание и зажмурившись, дрожащей лапкой ткнул в карту.

Му Шэн не смог сдержать улыбки. Дождавшись, когда котенок откроет глаза и уберет лапу, он склонился над картой:

— Юньчэн? Что ж, неплохое место. Советник Чэн Юйдао, управляющий Юньчэном, — близкий друг моего учителя. Если в Юньчэне что-то случится, мы всегда сможем просить советника Чэна о защите.

Допив чай, Му Шэн погладил котенка по мягкой макушке, осторожно уложил его обратно в корзину и поднялся, направляясь к городским воротам.

...

В это время в клане Ци в Юньчэне Ци Байцюань был сбит с ног собственным отцом, Ци Сяньчунем:

— У тебя хватает смелости такое творить!

Ци Байцюань с мрачным лицом ответил:

— В чем же я провинился, что отец, едва вернувшись домой, пришел в такую ярость?

Ци Сяньчунь отвесил ему пощечину:

— Убирайся отсюда и как следует подумай над своим поведением.

В этом и заключалась главная разница между родным ребенком и неродным. Даже несмотря на то, что Ци Сяньчунь дрожал от гнева, вызванного выходкой старшего сына, он сдержался и приказал лишь увести того для наказания.

Вскоре вошла Госпожа Ци. Лицо её было крайне недовольным:

— Какая ярость у супруга. Вернувшись, не зашел во внутренние покои, не спросил о причинах, а сразу избил Цюань-эра. Неужели всё из-за этой дряни госпожи Линь?

Лицо Ци Сяньчуна изменилось, но ссориться с супругой он не стал:

— Это всего лишь наложница, умерла — и пусть. Я гневаюсь не на это, а на то, что Цюань-эр не умеет держать себя в руках и своевольно принимает решения!

— Не гневайтесь, супруг, я сама как следует проучу Цюань-эра. — Увидев, что Ци Сяньчунь смягчился, Госпожа Ци перестала скандалить. Она медленно подошла к мужу, ласково его успокаивая, и начала нежно разминать ему затылок.

Ци Сяньчунь похлопал жену по руке, и его лицо моментально посветлело.

<http://bllate.org/book/21171/2144745>